

постоянным объектом их выступлений в газетах, на радио и телевидении станет весь комплекс духовной и нравственной жизни села». Не правда ли: все это звучит весьма актуально и сегодня?

Бытует мнение, что публицистика 60-х – 70-х годов прошлого столетия, воспевающая трудовые подвиги советских тружеников, нередко приукрашивала действительность. Конечно, с высоты сегодняшнего времени, когда публицист чувствует себя гораздо свободнее и в выборе тем, и в изложении фактов, рассуждать легче. Более того, во все времена журналисты были разными: одни напоминали Ошейникова (персонаж Ильфа и Петрова), который ни строчки не состряпает без выгоды для себя, в творчестве других (именно таким был Радов) реальность отражалась как в зеркале, что как раз и свидетельствует о постоянном творческом поиске лучших журналистов того времени.

Посредственность (даже при сильной поддержке) таковой и останется. Талант (как бы его ни пытались отодвинуть, «заткнуть») все равно пробьет себе дорогу. Вот и Радов на курском заводе долго не задержался. Приехал в Москву, в редакцию «Огонька», где уже печатались его очерки и рассказы. В конце 50-х годов известный советский журналист и писатель Сергей Смирнов (его творчество тоже с большим интересом изучали студенты журфака) пригласил Георгия Радова в отдел внутренней жизни «Литературной газеты». Коллеги отмечали не только талант Радова, но и его чуткость, участие в судьбе ближних.

Писатель Анатолий Приставкин, называвший Георгия Георгиевича «старшим литературным другом», вспоминал, что он очень опекал его. Когда молодого литератора принимали в Союз писателей и «один из рецензентов несколько неодобрительно» отзывался о нем, Радов поехал к тому домой и «весь вечер читал ему» опубликованные в «Юности» рассказы Приставкина. «А потом я потерял этот писательский билет драгоценный, – пишет Анатолий Игнатьевич. – Радов встретил меня и спросил: «Ты что такой понурый?» А я говорю: «Да вот, неделя всего прошла, и я билетик свой потерял, тот самый». Он подумал и сказал: «Это ерунда все. Вот если ты потеряешь свое золотое перышко, это будет плохо».

Георгий Радов сам был обладателем золотого перышка и никогда не терял его. Он работал даже в больнице, перед операцией, боясь оставить главное «на потом». «Накануне я навестил его, чтобы подбодрить, – вспоминал писатель и хирург Юлий Крелин. – Слышу, несется стрекот машинки. Через приоткрытую дверь увидел Радова. «Ты чего это перед операцией строчишь? С завещанием подожди». Он только посмеялся: «Нет, это мои долги. Лежали у меня рукописи для рецензий из издательств. Негоже уходить с долгами. Люди ждут – а вдруг и впрямь не вернусь. Без долгов, без долгов...»

Нельзя не добавить еще один важный штрих к портрету публициста Георгия Радова – смелость. Он подает читателю своих героев со всеми их достоинствами и недостатками, не боясь наступить кому-то на больную мозоль. Отсюда и широкий общественный резонанс, который вызывали его произведения. Безусловно, в них он выступает и как талантливый беллетрист. Но все-таки выделяют его писательскую манеру документальная основа очерков и рассказов, насыщенность важными общественно-политическими фактами. И, наверное,